

Лиссабон, десять часов вечера. Цзян Шоуянь вышел из здания аэропорта вместе с потоком людей. Некоторое время он одиноко стоял у обочины с чемоданом, его выдающаяся внешность притягивала к себе немало взглядов. Вскоре перед ним затормозила машина. Стекло опустилось, открывая бронзовое лицо Мартима.

— Riley, há esperado? (Райли, давно ждёшь?)

Цзян Шоуянь слегка улыбнулся, его голос был неторопливым и расслабленным, как эта ночь.

— Está bem. (Всё в порядке.)

Мартим помог ему уложить вещи в багажник. Они давно не виделись, поэтому разговор было не избежать.

— (Я удивился, когда ты вдруг сказал, что хочешь приехать на некоторое время. Раньше, когда я спрашивал, ты всегда говорил, что занят.)

Цзян Шоуянь очень лениво ответил:

— (Сейчас полегчало.)

— (Мы ведь давно не виделись, да? Когда это было в последний раз? Три года назад? Когда ты приезжал с компанией по поводу проекта?)

Цзян Шоуянь промычал: «Угу» и приспустил стекло — вечерний ветер растрепал его волосы. Мартим взглянул на его профиль — тот смотрел в окно — и почувствовал, что настроения у друга нет. Решив, что Цзян Шоуянь просто устал с дороги, он не стал больше докучать разговорами и молча вёл машину.

На самом деле, Мартим чисто случайно узнал о приезде Цзян Шоуяня: тот ни с кем не связывался. Только во время последней командировки в Барселону, случайно встретив их общего друга, который обмолвился об этом, Мартим узнал, что Цзян Шоуянь уволился. «В семье беда: пожилая родственница покончила с собой, бросившись в реку». Мартим был потрясён.

Цзян Шоуянь всегда производил впечатление человека сдержанного и редко говорил о семейных делах. Было известно лишь то, что у него есть бабушка, с которой они очень близки. Каждый раз, приезжая в командировку, он покупал здесь коробочку паштел-де-ната, чтобы отвезти домой. Пожилые любят сладкое, он брал немного, просто чтобы её побаловать. Позже, услышав, что Цзян Шоуянь оформляет визу и собирается в Лиссабон развеяться, Мартим — отзывчивый парень — тут же позвонил узнать о его планах и устроил всё ещё до его приезда.

Машина промчалась по шоссе до самого Кашкайша.

— (Места здесь, может, и не очень много, зато есть всё необходимое, а главное...)

Мартим оставил чемоданы в гостинной, распахнул окно и поманил Цзян Шоуяня. Тот подошёл. Мартим продолжил:

— (...отсюда до океана рукой подать, открываешь окно — и сразу виден горизонт. Нигде не найдёшь вида лучше. Как узнал, что ты едешь, я специально всё разузнал для тебя. Хозяин дома очень любит китайцев и сдаёт жильё только китайским туристам. Правда, сам он редко бывает в Португалии, поэтому все вопросы аренды передал своему другу.) — Тут Мартим хитро подмигнул: — (А его друг как раз оказался моим другом.)

Цзян Шоуянь улыбнулся. Вечерний бриз ласково коснулся его лица, донесся отдалённый шум прибоя. Мартим засмотрелся. Цзян Шоуянь обладал особой магией: когда он не улыбался, то казался элегантным и холодным, но стоило ему улыбнуться — и к нему сразу влекло. Взгляд Мартима упал на его руку, лежащую на подоконнике.

— (Ты болен?)

Цзян Шоуянь замер, опустив глаза на след иглы на тыльной стороне ладони. От долгой экспозиции катетера вокруг места укола расплылся крупный синяк.

— Мгм, — отозвался Цзян Шоуянь. — (Случилась небольшая неприятность.)

Мартим почесал ёжик коротких волос, и на его бронзовом лице проступило смущение:

— (Мне очень жаль... насчёт того, что случилось у тебя дома.)

Цзян Шоуянь не поднимал глаз, его голос звучал бесцветно:

— (Ничего. Всё уже позади.)

Мартим понял, что тот не хочет развивать тему, и не стал спрашивать. Он лишь поставил чемодан и оглянулся на Цзян Шоуяня, который всё ещё стоял у окна.

— (Уже поздно, я поеду. Отдыхай, а если что понадобится — звони в любое время), — сказал Мартим.

Цзян Шоуянь обернулся и улыбнулся ему. Тёплый свет окутывал его фигуру, и Мартиму почему-то показалось, что он стал другим. Раньше он был просто холоден, но теперь эта внешняя оболочка словно подёрнулась пеплом, обретя какую-то пугающую красоту увядания. Мартим покачал головой, отгоняя эту дурную мысль.

В последнее время Цзян Шоуянь спал мало: засыпал с трудом, и его сон был очень чутким. Отыскав в холодильнике вино, он поднялся на маленькую террасу на крыше. Ночью в Кашкайше было прохладно, волны Атлантики накатывали на берег одна за другой. Цзян Шоуянь слушал обрывки португальской речи, долетавшие иногда с улочки внизу, смотрел на далёкую серо-синюю береговую линию и глоток за глотком допивал бутылку. Когда хмель ударил в голову и двигаться стало лень, он свернулся калачиком в плетёном кресле и провалился в тяжёлый сон.

В июне в Португалии светало рано, и солнце ласково грело приятным теплом. Крики чаек звонко проносились в вышине, поднятые порывом солёного влажного ветра. От резкой прохлады, ударившей в лицо, Цзян Шоуянь слегка нахмурился, из-за похмельного тумана ему было трудно даже открыть глаза. Слабый утренний свет коснулся его подрагивающих ресниц, и взгляду открылась оранжево-красная гладь моря. Искрящиеся блики на воде казались сном наяву. Цзян Шоуянь долго лежал неподвижно, прежде чем осознал: рассвело.

Бутылка выскользнула из руки и с грохотом покатила по полу, наполнив воздух сладковатым виноградным ароматом. Цзян Шоуянь, привалившись боком к спинке кресла, наблюдал, как небо вдали меняет цвет с серо-голубого на нежно-розовый, пока оранжевое золото солнца окончательно не разбудило спящий город. Вдали потянулся поток машин и послышался шум людских голосов.

Цзян Шоуянь осторожно пошевелил затёкшей во сне шеей, откинул голову на край кресла и подумал, что надо бы посмотреть на время. Пошарив пальцами в кармане, он вдруг вспомнил: разряженный телефон остался внизу на столе. Встать с кресла, спуститься вниз, отыскать в чемодане зарядку, воткнуть вилку в розетку, зарядить и включить телефон — всё это показалось Цзян Шоуяню слишком утомительным. Он плотнее закутался в пиджак, перевернулся, устроился поудобнее и снова забылся тяжёлым сном.

Перепад между дневной и ночной температурой в Кашкайше велик, жар полуденного солнца делал тёплый пиджак Цзян Шоуяня особенно обременительным. Он глубоко вздохнул и наконец встал с плетёного кресла. Небрежно бросив пиджак на стул у стола, Цзян Шоуянь достал из чемодана зарядное устройство и вошёл в зону кухни.

Стоило включить телефон, как посыпался шквал уведомлений. Не успел он их просмотреть, позвонил Ци Чжоу. Цзян Шоуянь сделал глоток ледяной воды и только тогда неторопливо ответил:

— Алло.

На том конце помолчали несколько секунд, словно сдерживая эмоции:

— Если бы от тебя и сегодня не было новостей, я бы уже звонил в посольство опознавать твой труп.

Цзян Шоуянь усмехнулся, его голос звучал чисто и прохладно:

— Не так быстро.

Ци Чжоу снова замолчал. До приезда в Лиссабон Цзян Шоуянь некоторое время провёл в больнице, его лечащим врачом был Ци Чжоу, диагноз — острое отравление угарным газом. На третий день после того, как бабушка бросилась в реку, Цзян Шоуянь разжёл дома угли. Если бы его нашли хоть немного позже, он был бы сейчас горстью органического пепла в земле.

Проспав всё утро, Цзян Шоуянь проголодался. Пока Ци Чжоу молчал, он открыл холодильник и нашёл изящно упакованную коробку с яичными тарталетками.

— Ты твёрдо решил? Неужели нет пути назад? — не сдержался Ци Чжоу. Слова, которые не мог произнести лицом к лицу, он набрался смелости сказать на расстоянии девять тысяч километров.

Голос Цзян Шоуяня оставался спокойным:

— Ци Чжоу, мне 28, а не 8 и не 18. — Он, опустив взгляд, прислонился к столешнице, через узкое окно гостиной глядя на тёмно-синюю гладь моря. Для Цзян Шоуяня смерть была подобна капле воды, упавшей в море: настолько лёгкой, что даже рябь от неё едва заметна. — Мой мозг восстановился, я отдаю себе отчёт в том, что делаю.

Ци Чжоу потерял дар речи. Самое безнадежное — не внезапный порыв, а трезвый и разумный план: тщательно выбранное место для завершения жизни, даже время ухода было под полным контролем. У первого ещё есть шанс на жизнь, второе же означает полное отсутствие привязанностей, когда любой день может стать последним.

Ци Чжоу знал Цзян Шоуяня больше десяти лет, он был его единственным другом, знавшим всё. Именно потому, что знал всё до конца, он не мог осуждать поступок Цзян Шоуяня. Ему оставалось лишь молчать, пока не перестанут приходить какие-либо вести. Что само по себе станет новостью.

Тишина в трубке стала удушающей. Возможно, утреннее солнце грело так приятно, что Цзян Шоуянь, что было редкостью, решил его утешить:

— По крайней мере, не сегодня.

Ци Чжоу очень хотелось врезать ему через телефон. Цзян Шоуянь достал из коробки маленькую открытку. На ней были напечатаны разноцветные мультяшные смайлики, а в центре красовалась надпись витиеватыми иероглифами: «Желаю тебе каждый день быть счастливым». Настроение Цзян Шоуяня из-за этой строчки необъяснимым образом поднялось. Он усмехнулся и пояснил:

— Потому что кое-кто пожелал мне каждый день быть счастливым.

Ци Чжоу повесил трубку. Он боялся, что если замешкается хоть на секунду, то и сам начнёт сходить с ума. Цзян Шоуянь под короткие гудки продолжал улыбаться. На самом деле он и сам не знал, над чем смеётся, просто ему очень хотелось смеяться.

Послеполуденное солнце косо падало в узкое окно, свет и тени перемахнув через тёмно-зелёный диван в гостиной, легли у ног Цзян Шоуяня. Мужчина простоял на месте довольно долго. Лишь когда солнечный луч пополз с носка туфли вверх по штанине, он, словно обжёгшись, отступил на шаг. Застывший мозг медленно заработал. Он подумал, что ему стоит сначала найти пляж, где мало людей, большие волны и бурное море.

Почти половина границы Португалии — побережье, и обилие света делает приморский городок Кашкайш особенно красивым. Цзян Шоуянь спустился вдоль набережной и в лучах солнца нашёл место, которое его устроило. В отличие от причала, забитого лодками, здесь было малоллюдно и тихо. Скалы, сформировавшие естественный грот, отбрасывали на мелкий белый песок большую мягкую тень.

Цзян Шоуянь погрузился в неё и уставился на волны, что накатывали одна за другой. Каждый раз, когда солнце подбиралось ближе, он немного отодвигался назад, неумоимо играя в эти медленные догонялки. Наконец он упёрся спиной в скалу и отступать стало некуда. Тогда уклонение вдруг перестало казаться чем-то важным. Цзян Шоуянь положил руки на колени и лениво прикрыл глаза на солнце.

Издалека донёсся гул гидроциклов и вертолёт, сквозь этот шум Цзян Шоуянь услышал, как кто-то взволнованно крикнул:

— Zephyr!

Он открыл глаза и увидел мужчину, который, прижимая к себе сёрфборд, опрокинулся с гидроцикла спиной в море. Хотя расстояние было большим, Цзян Шоуяню показалось, что он ясно разглядел, как морской ветер треплет его мокрые волосы — дерзко и свободно. Очень странная мысль. Цзян Шоуянь слегка нахмурился и снова закрыл глаза.

— Zephyr! — кто-то на берегу размахивал планшетом и возбуждённо кричал человеку в море: — (Твой новый рекорд! Это точно новый рекорд! Судя по видео с дрона, высота волны превысила пять метров!)

Из воды ловко вынырнула фигура. Чэн Цзайе, сидя на доске, лениво покачивался на волнах. Из-за гула вертолёт он не слышал слов собеседника, поэтому показал жестом: «Подожди», наклонился, начал грести руками, поймал волну и плавно помчался к берегу. Вода отхлынула, Чэн Цзайе ступил на влажный песок. Парень взволнованно сунул ему под нос планшет:

— (Zephyr, в конце ты прошёл идеальную трубу!)

Планшет воспроизводил видео, снятое с воздуха полчаса назад: Чэн Цзайе ловил волну в открытом море, громада воды с силой обрушилась вниз, чудовищные волны с белыми гривами напоминали лавину. Экран бликовал, Чэн Цзайе машинально повернул голову, и в поле его зрения попал человек: чёрные волосы, белая кожа. Очень знакомо.

Игра света в уголках глаз ещё не до конца рассеялась, парень с планшетом что-то щебетал. В этот миг Чэн Цзайе внезапно ощутил невыразимое спокойствие. Он накрыл ладонью болтливый рот приятеля и сунул ему в руки доску. Шум волн мало-помалу отступал, а постепенно проясняющееся лицо делало время расплывчатым.

Чэн Цзайе словно вернулся в лето многолетней давности, когда мужчина у входа в кондитерскую с улыбкой сказал ему:

— Desculpa. (Прошу прощения.)

В тот год Чэн Цзайе было семнадцать.

Назойливый гул вертолётки окончательно исчез в небе, Цзян Шоуянь смутно ощутил влажный запах моря. Вдруг прямо перед ним упала тень. Ветер, казалось, внезапно стих. Он поднял голову и встретился взглядом с парой золотисто-карих глаз.

Переводчику есть что сказать

В книге часто упоминаются португальские яичные тарталетки паштел-де-ната (pastel de nata) — традиционная португальская выпечка, нечто среднее между пирогом с заварным кремом и пирожным.

Также в китайском есть выражение 脆弱不堪 (bèi quèzhěn wéi dāntà) досл. 'диагноз — яичная тарталетка', обр. о характере человека, ломающемся при малейшем давлении.

Нам с редактором кажется, что это совпадение не случайно.

<http://bllate.org/book/14908/1337940>